

Звук пощечины разорвал тишину, словно гром среди ясного неба. Удар взрослого альфы был настолько силен, что стоявший на ступеньках омега отлетел к дивану, рухнув подле него бесформенной грудой. Пьяный альфа, покачиваясь, навис над Бай Таном, брызжа слюной:

— Мало мне этих лизоблюдов на работе с их фальшивыми улыбками! Теперь еще и дома приходится лицеизреть твою лживую рожу!

Бай Тан, распластавшись на полу, пытался прийти в себя. В ушах звенело, перед глазами всё плыло. Уголок рта саднило — там, где кожа лопнула от удара, сочилась кровь. Омега попытался подняться, но, пошатнувшись, вновь упал, ударившись подбородком.

От Цзян Юньсу разило перегаром. С каждым словом его ярость нарастала. Он спустился вниз, схватил Бай Тана за волосы и, вздернув вверх, влепил еще одну пощечину.

Бай Тан вскрикнул от боли. В глазах потемнело, казалось, что барабанные перепонки вот-вот лопнут. Голова гудела, словно колокол, парализуя волю и лишая сил для сопротивления. Омега безвольно обмяк в руках мучителя, напоминая сломанную куклу.

— Чертова шлюха! — рычал Цзян Юньсу. — Без меня ты бы сдох в канаве!

Не удовлетворившись этим, альфа с силой отшвырнул беззащитного омегу. Бай Тан рухнул на пол, а Цзян Юньсу принялся остервенело пинать его по животу.

Острая боль в брюшной полости на миг прояснила затуманенное сознание Бай Тана. Сжавшись в комок и прикрывая голову руками, он прерывисто всхлипывал:

— Господин... Ох! Господин, я виноват... Прошу, хватит...

Жалкие мольбы тонули в шуме тяжелого дыхания Цзян Юньсу. Глухие удары сменялись стонами боли, которые омега пытался подавить — он знал, что никто не придет на помощь.

Всё тело Бай Тана пульсировало от боли. Сиянки на руках, только начавшие заживать, вновь наливались багровым. Под градом ударов инстинкт самосохранения взял верх — откуда-то взялись силы, и Бай Тан, шатаясь и спотыкаясь, бросился к лестнице.

Альфа даже не потрудился его преследовать. Развалившись на диване, он выдохнул облако перегара и насмешливо бросил:

— Беги-беги! А то, гляди, разведусь с тобой!

Бай Тан замер, как вкопанный.

Цзян Юньсу расхохотался еще наглее:

— Что, страшно? Небось, понимаешь, что без меня тебе будет в сто раз хуже!

Бай Тан медленно обернулся. По лицу, смешиваясь с кровью, катились слезы.

— Ну-ка, на колени! — Цзян Юньсу упивался своей властью. — Проси, чтобы я тебя побил.

«Значит, он не забыл», — с ужасом понял Бай Тан. Лицо его побелело, а в глазах мелькнуло отчаяние. Угроза развода — излюбленный метод шантажа Цзян Юньсу, и он ничуть не изменился.

Ложь о потере памяти была лишь новой игрой, чтобы позабавиться над его растерянностью и глупостью. Наверняка, извиняясь, альфа про себя посмеивался: «Ну и потеха, когда эта шлюха строит из себя дурочка».

Бай Тан почувствовал во рту привкус крови — он прикусил щеку изнутри.

Пока альфа притворялся, что потерял память, ему нельзя было расслабляться ни на секунду. Любая оплошность стала бы для Цзян Юньсу поводом для новых издевательств.

****

На столе красовался настоящий пир: большая кастрюля с морепродуктами, рисовая каша, овощи в соусе, несколько тарелок с мясными шариками, ребрышками, креветками в тесте, маленькими пельменями и куриными лапками. Аккуратные ряды блюд кантонской кухни заполняли всю поверхность. Хотя в этом мире, возможно, он называлась иначе, но Цзян Юньшу решил пока использовать привычное название.

Он усадил Бай Тана за стол и поставил перед ним тарелку с кашей.

Омега растерянно заморгал, осознав, где оказался. Затем, с тревогой взглянув на альфу, начал было бормотать:

— Г-господин, может, мне лучше за маленький столик...

— Не нужно, — Цзян Юньшу положил ложку рядом с тарелкой Бай Тана. — Теперь ты будешь есть со мной за одним столом.

Узнав, что именно прежний хозяин тела запрещал Бай Тану садиться за общий стол, Цзян Юньшу решил, что нет смысла продолжать эту практику. Нужно что-то менять.

Однако он заметил, как Бай Тан напрягся, словно ожидая подвоха. Омега нервно тербил край одежды, на лице отразились беспокойство и растерянность. Он заговорил быстрее обычного:

— Спасибо, господин, но я лучше не буду...

Цзян Юньшу нахмурился, пытаясь понять, о чем сейчас думает Бай Тан.

Заметив его хмурый взгляд, омега вздрогнул, решив, что сказал что-то не то. Он опустил голову, закусив губу, и замолчал. В повисшей тишине его тревога нарастала. Пальцы нервно тербили край повязки, сминая ткань. Бай Тан со страхом ждал, что в любой момент Цзян Юньсу может ударить его за неподобающее поведение.

Цзян Юньшу хотел что-то сказать, но Бай Тан его опередил. Дрожащим голосом он

пролепетал:

— Простите, господин... Я виноват...

Цзян Юньшу вздрогнул. Он вдруг осознал, что для Бай Тана невозможно так резко изменить привычный уклад. Годы жестокого обращения и равнодушия приучили его бояться малейших перемен. Он понял, что заблуждался, полагая, будто доброго отношения достаточно, чтобы Бай Тан пошел на поправку.

Цзян Юньшу глубоко вздохнул, напоминая себе о необходимости терпения. Нельзя торопиться, нужно действовать постепенно.

— Ты ни в чем не виноват. Это я ошибся, — произнес он. Затем достал из шкафа маленький складной столик и поставил его на пол. Вместо табурета он подложил мягкую подушку и бережно усадил на него Бай Тана. — Вытяни ноги, не сгибай их. Так кровообращение будет лучше, это полезно для ран.

Бай Тан, у которого слезы все еще стояли в глазах, с облегчением выдохнул. Он решил, что прошел очередное испытание Цзян Юньсу. Однако следующие действия альфы повергли его в шок.

— Господин! Что вы делаете?! — воскликнул он в панике.

Цзян Юньшу методично перекладывал все блюда на маленький складной столик, заполнив его доверху. Затем высокий альфа, сгорбившись и поджав ноги, уселся рядом с тарелкой в руках.

— Ничего страшного, — спокойно ответил он. — Давай есть.

Цзян Юньшу понимал, что невозможно в одночасье заставить Бай Тана расслабиться и довериться ему. Омега не мог сам сделать первый шаг, поэтому он решил взять инициативу на себя.

В конце концов, обед на полу — сущий пустяк по сравнению с тем, как он раньше ел черствые булки, сидя на земле возле лаборатории.

Альфа говорил уверенно, и Бай Тан, дрожа от страха, умолк.

Вскоре Цзян Юньшу заметил, что Бай Тан осмеливается брать только овощи. Из-за травмы правой руки он неловко орудовал левой, а после одной неудачной попытки и вовсе перестал пользоваться палочками, молча хлебая кашу.

Цзян Юньшу встал, чтобы принести из кухни общие палочки. Обернувшись, он увидел, как Бай Тан, вытаращив глаза, вцепился в край стола. Казалось, он боится, что он пошел за чем-то, чтобы его ударить.

Сердце Цзян Юньшу сжалось от жалости. Он мысленно выругался: «Каким же чудовищем надо быть, чтобы поднять руку на такого маленького и хрупкого ребенка!»

Ему вспомнился недавний случай в городской больнице. Они с доктором Линем проходили мимо неврологического отделения, когда на электронном табло над входом появилась бегущая строка: «Добро пожаловать в неврологию городской больницы».

Доктор Линь, помедлив, тихонько шепнул Цзян Юньшу: «Да уж, неврологи знают толк в юморе...»

Сейчас Цзян Юньшу хотелось адресовать эту фразу прежнему хозяину тела — тому срочно требовалась помощь психиатра.

Цзян Юньшу помахал палочками перед Бай Таном, поясняя:

— Так гигиеничнее.

Он подцепил мясной шарик и положил его в тарелку омеги.

Бай Тан растерянно уставился на угощение.

— Спасибо, господин... Но я не могу есть мясо.

— Почему? — Цзян Юньшу ясно видел, как Бай Тан с жадностью смотрит на шарик, невольно сглатывая слюну. Однако его по-детски наивный вид не умилял, а лишь вызывал горечь и гнев. Он мягко добавил: — Не переживай, ешь. Я все равно столько не съем.

Бай Тан боялся есть, но и отказываться не решался. Он застыл в нерешительности, украдкой поглядывая на лицо Цзян Юньшу.

Тот мысленно вздохнул. Учитывая прошлый опыт, он не хотел давить слишком сильно. Пришлось забрать шарик обратно.

— Бай Тан, бери сам то, что хочешь, — терпеливо произнес он.

Омега снова с облегчением выдохнул. Он медленно ел кашу левой рукой, так и не притронувшись к мясу. Однако напряжение не отпускало его — Бай Тан был начеку, опасаясь, что альфа приготовил ему новую каверзу.

После еды, как ни пытался Бай Тан отговорить Цзян Юньшу, тот настоял на том, чтобы самому вымыть посуду. Краем глаза он заметил, как омега все это время нервничал, явно порываясь встать.

Решив, что ему, возможно, нужно в туалет или попить, Цзян Юньшу с руками в мыльной пене подошел к нему:

— Что такое?

Бай Тан испуганно замер, опустив голову:

— Господин, не сердитесь... Я сейчас пойду наберу вам воды для ванны...

— Я не сержусь, — ответил Цзян Юньшу, возвращаясь к раковине. — Ванну и уборку в ванной комнате теперь я буду делать сам. А вот тебе, Бай Тан, с травмой нельзя мочить повязку. Может, сегодня не будешь мыться?

— Н-нужно помыться... — пробормотал Бай Тан. Он знал, что за неопрятность его накажут.

— Хорошо, — отозвался Цзян Юньшу, не подозревая о его страхах.

<http://bllate.org/book/13383/1190865>